

ДРЕВНЕНУБИЙСКИЙ ЯЗЫК: ПИСЬМО И ФОНОЛОГИЯ

Древнениубийский язык генетически принадлежит к восточносуданской группе, а типологически представляет собой агглютинативный язык. До нас дошло пять довольно больших древнениубийских текстов религиозного содержания и несколько десятков мелких фрагментов, остраконов и граффити.

Впервые древнениубийский язык был исследован К. Шмидтом и Х. Шефером¹. В 1906—1907 гг. Х. Шефер издал все известные к тому времени надписи на этом языке. Тогда же Х. Шефер и К. Шмидт исследовали эти тексты, сопоставляя отдельные сегменты с известными словами новонубийских диалектов, и им удалось правильно прочесть некоторое количество слов².

В 1913 г. Ф. Л. Гриффис опубликовал все тексты рукописей, найденных в Северной Нубии, снабдив их переводом, и составил грамматику и глоссарий древнениубийского языка³. Гораздо более подробную грамматику и глоссарий с приложением хрестоматии, состоящей из четырех самых больших древнениубийских текстов, дал Э. Цильарц⁴. Затем Б. Стри-

¹ H. Schäfer, K. Schmidt, *Altnubische christlichen Texte*, SPAW, B., 1906, Teil 2, стр. 774—785.

² H. Schäfer, K. Schmidt, *Die altnubischen christlichen Handschriften der Königlichen Bibliothek zu Berlin*, SPAW, B., 1907, Teil 1, стр. 602 сл.

³ F. L. Griffith, *The Nubian Texts of the Christian Period*, «Abhandlungen der Preuss. Akad. der Wiss.», B., 1913, № 4, стр. 1—134.

⁴ E. Zylinder, *Grundzüge der nubischen Grammatik im christlichen Frühmittelalter (Altnubisch)*, Lpz, 1928.

кер высказал ряд интересных мыслей по поводу древнунубийского письма, фонетики и морфологии ⁵.

В нашей стране древнунубийский язык не привлекал внимания исследователей, и работ на эту тему нет, кроме краткого сообщения Б. А. Тураева в журнале «Христианский Восток» ⁶. На сегодняшний день в области фонологии языка имеется еще целый ряд нерешенных вопросов, таких, как: а) причины вариантного написания глухих и звонких взрывных; б) характеристика гласных по количеству, тону, открытости; в) качество интервокального звука, обозначавшегося надстрочной точкой, и др.

Алфавит древнунубийского языка состоит из 29 букв для обозначения как согласных, так и гласных, 22 из них — греческие буквы ρ, υ, δ, а также два надстрочных знака — черта и точка — заимствованы из коптского письма. Три буквы — ϫ, ϫ, ϫ — специфически нубийские и происходят, по всей вероятности, из мероитского письма. Буквы ϫ, Ψ, Θ, Φ, Χ употребляются только в заимствованных словах и именах собственных, причем почти исключительно в греческих. В целом алфавит имеет следующий вид ⁷:

Α	a	Ι	i	Σ	s	ϫ	i
Β	(b)	Κ	k	Τ	t	ρ	(h)
Γ	g	Λ	l	Υ	i, w	δ	g
Δ	d	Μ	m	Φ	(ph)	ϫ	n
Ε	e	Ν	n	Χ	(kh)	ϫ	n'
Ζ	(h), (ks)	Ο	o	Ψ	(ps)	α	w
Η	i	Π	p	Ω	o	ϫ	w
Θ	(th)	Ρ	r				

Анализ текстов в сопоставлении с материалами современных нубийских диалектов (*махас* и *фадиджа*, которые, по мнению исследователей, являются прямыми потомками древнунубийского языка, а также родственных им *донгола*, *кенузи*, групп говоров Кордофана и Дарфура) позволяет сказать, что каждый знак древнего письма имел звуковой референт в виде фонемы или группы фонемных коррелятов (последнее относится к гласным). Вместе с тем даже при обилии материала для сопоставления древнунубийские тексты дают возможность говорить не о фонетике, но

⁵ В. Н. Stricker, A Study in Medieval Nubian, Bulletin of the School of Oriental Studies, vol. X, part 2, L., 1940, стр. 440—484.

⁶ Б. Тураев, Открытие нубийской христианской литературы, «Христианский Восток», т. I, вып. 3, Пг., 1914, стр. 92—94.

⁷ В скобки заключены буквы, встречающиеся только в заимствованиях.

лишь о фонологии древненубийского языка — не о фонетических характеристиках, а о фонологических оппозициях.

Так, Ч. Х. Армбрустер в книге «Грамматика донголезского нубийского языка»⁸ определяет взрывные /t/ и /d/, а также носовое /n/ как альвеолярные, а не зубные. С другой стороны, Г. Массенбах говорит о соответствующих взрывных и носовом диалекта кенузи как о зубных⁹. Наконец, в нубийских наречиях Кордофана, по наблюдениям В. Чермака¹⁰, имеется пять пар соответствующих передних взрывных. Ясно, что на сегодняшний день нет возможности с точностью установить, каков характер передних взрывных в языке — были ли они зубными или альвеолярными.

Также ничего нельзя сказать, например, о степени открытости гласных. В донгола имеется разделение гласных на открытые и закрытые¹¹; в кордофанских диалектах все гласные, кроме [a], могут быть открытыми, средними и закрытыми¹². Но графических корреспондентов в заимствованном древненубийском письме эти признаки, даже если они были, не имеют. Таким образом, можно говорить лишь о приблизительной реконструкции фонологической системы языка.

Как уже было сказано, каждый знак древненубийского письма имеет один референт в виде согласной фонемы. Сложнее дело обстоит с гласными. В современных нубийских диалектах гласные различаются по долготе — краткости, а нередко и по высоте тона, но в древнем языке эти различительные признаки почти никогда не имеют графических корреспондентов. Правда, [o] обозначается двумя способами: O и U — греческие «омикрон» и «омега». В древнегреческом языке различие этих двух знаков действительно соответствовало различию /ō/ и /ō̄/. Но ко времени заимствования (не раньше V в. н. э.), на средневековой, византийской стадии развития языка, древнегреческие гласные уже не различались по количеству. Таким образом, O и U в древненубийском языке — аллографы одной графемы. На это указывают и редкие случаи вариантного написания, например суффикс локатива $-\lambda\text{o}/-\lambda\text{u}$, удалительный послелог $-\text{o}\rho\text{o}/-\text{o}\rho\text{u}$. Изредка, однако, долгота в этих текстах обозначается удвоением буквы: $\text{T}\Delta\Delta$ [tā] «девушка», $\text{C}\text{O}\text{O}\text{C}$ [pōg] «большой», $\text{U}\Delta\Delta$ [šā] «дверь» (в отличие от слова $\text{U}\Delta$ šā, означающего «копье»). Из этого можно сделать вывод, что количество гласного являлось различительным признаком и в древненубийском языке.

Не имеют графических корреспондентов характеристики гласных языка по высоте тона. Но если сравнить, с одной стороны, идентичные на письме слова $\Delta\text{E}!$ [ay] «я» и $\Delta\text{E}!$ [ay] «сердце, душа» и, с другой стороны, соответствующие слова диалекта *махас*, мы увидим, что в *махас* эти два слова имеют такой же состав, но различаются по высоте тона гласного

⁸ Ch. H. Armbruster, *Dongolese Nubian. A Grammar*, Camb., 1960, стр. 37.

⁹ G. Massenbach, *Nubische Texte im Dialekt von Kunuzi und Dongolawi*, Wiesbaden, 1962.

¹⁰ W. Czermak, *Kordofannubische Studien*, «Sitzungsber. der Akad. der Wiss. zu Wien. Philosoph.-hist. Kl.», Bd. 177, Wien, 1919, стр. 1—4.

¹¹ Armbruster, ук. соч., стр. 36.

¹² Czermak, ук. соч., стр. 12—14.

компонента. Таким образом, возможно, что и в древненубийском языке эти слова не были омонимичны, но различались по тону.

Особое место в древненубийском письме занимают знаки для передачи *i*. Эта фонема передается различными способами: а) одной буквой: $\int$, H , в позиции перед согласными также Υ : $\Delta\text{I}\rho\text{T}\text{I}$ [digirti] «договор, союз», $\text{K}\Upsilon\text{P}\text{I}\text{A}\text{K}\text{E}$ [kiriake] (греч.) «воскресенье», HT [it] «человек»; б) диграфически: посредством сочетания $\text{E}!$ или буквы с надстрочным знаком над ней или над последующей: EIN [in] «этот», $\text{E}\bar{\lambda}\lambda\text{E}$ [ille] «пшеница», $\text{E}\rho\text{I}\Delta$ [igid] «спрашивать»; в) надстрочным знаком над последующей согласной буквой: $\text{S}\bar{\text{K}}\bar{\text{T}}$ [iskit] «земля».

Особый интерес представляют случаи различного написания в одном и том же слове. Так, приведенное выше слово со значением «человек» может писаться двойко — EIT или HT , «земля» — $\text{S}\bar{\text{K}}\bar{\text{T}}$ или $\text{S}\bar{\text{K}}\text{IT}$. Для местоимения «этот» возможны три варианта: EIN , $\text{E}\bar{\text{N}}$, HN . Диахронический анализ — сравнение древненубийских слов и морфем с соответствующими словами и морфемами современных диалектов — положительных результатов не дает. Чаще всего H и $\text{E}!$ дают современное /i/, а $\int$ и надстрочные знаки — /i/. Но нередки и обратные примеры. Таким образом, установить соотношение между способами написания и различиями его в современных диалектах по тону, количеству, степени раствора и т. п. не представляется возможным. Остается отнести все эти варианты функционально к одной графеме, имеющей в качестве звукового референта группу коррелятов *i*. Что касается прочих гласных, то, как было показано выше, здесь каждому знаку должны соответствовать как минимум две фонемы — краткая и долгая. Этот принцип будет соблюдаться при составлении матрицы идентификации (см. ниже, табл. 1).

Особо следует остановиться также на различительном признаке звонкости — глухости. При чтении древненубийских текстов бросается в глаза вариантность написания букв для глухих взрывных и их звонких коррелятов:

t/d: $\text{T}\Delta\text{P}\text{P}\text{I}\Delta\text{E}/\Delta\Delta\text{P}\text{P}\text{I}\Delta\text{E}$ [dappide] «гибель»,

k/g: $\Delta\text{K}-\Delta\text{G}-$ [ag] «сидеть», $\text{E}\text{K}\text{I}\Delta-/\text{E}\rho\text{I}\Delta-$ [igid] «спрашивать»,

p/b: $\Delta\text{P}\text{P}\Delta/\Delta\text{B}\text{B}\Delta$ [abba] «ибо, то есть».

Буква B вообще встречается в текстах только в приведенном слове $\Delta\text{B}\text{B}\Delta$ и в именах собственных, например в топониме $\text{B}\text{N}\rho\text{E}\lambda\text{E}\text{I}\text{N}$ «Вифлеем». С другой стороны, в современных диалектах исконное /p/ перешло или в /b/, ср. донгола $\text{sar}\text{b}\text{E}$ < $\text{C}\Delta\text{P}\text{P}\text{I}$ «палец»¹³, или в f, ср.

¹³ Ch. H. A r m b r u s t e r, Dongolese Nubian. A Lexicon, Cambr., 1960.

fogor <ΠΟΚΑ «хромой»¹⁴. Далее, щелевые s и š в древнунубийском языке не имеют звонких коррелятов, а афориката /g/ — глухого. Более того, знак для передачи последней фонемы, заимствованный из коптского письма, обозначал там не звонкую, а глухую аффрикату /tʃ/, т. е. признак наличия — отсутствия голоса при заимствовании игнорировался.

В найденных на территории Нубии греческих надписях наиболее распространенной ошибкой является путаница в передаче глухих и звонких взрывных. Уже А. В. Розов в своем труде по источниковедению средневековой истории Нубии приводит довольно длинную и чрезвычайно безграмотную греческую надпись религиозного содержания (очевидно, заклятие от болезней на амулете)¹⁵. Характер орфографических ошибок позволяет сказать, что выполнена надпись ни в коем случае не греком (грек в ту эпоху мог по неграмотности написать *омикрон* вместо *омеги* или *ипсилон* вместо *йоты* — они функционально уже стали аллографами, — но не путал бы ни согласных, ни падежных форм). По характеру одной из формул А. В. Розов делает вывод, что писал не монофизит-копт, но православный, каковым в долине Нила мог оказаться только нубиец¹⁶. Чаще всего в этой надписи путаются глухие и звонкие согласные. Глухой заменяется звонким: Βηδσαιδα вместо Βηδσαιδα «Вифсаида»; τυφλον вместо τυφλον «слепого», κατακειμενος вместо κατακειμενος «лежащего», γεγραγοντα вместо γεγραγοντες «вопиющие». Один раз в сходной позиции звонкий, наоборот, заменяется глухим: τηροτης вместо δεσποτης «владыка».

Та же особенность характерна и для других греческих надписей Нубии. Так, в надписи из Фараса (так называемая «стела Парфения»¹⁷) находим имя священника ΠΑΡΘΩΛΟΜΕΟΣ — искаженное греческое Παρθολομος. В других надписях часто встречается слово ΤΟΥΛΟΣ — искаженное греческое δοβλος «раб» (например, в надписях из Фараса № FA/83-63-4, FA/151-63-4, FA/82-63-4)¹⁸.

Б. Стрикер отмечает также историческое изменение древнунубийских взрывных, усматривая в этом переходе позиционные закономерности: в открытом слоге /p/ > /f/; в закрытом слоге /d/ > /r/, /k/ > /g/, /p/ > /b/, /t/ > /d/. Это правило, однако, не всегда соблюдается: см., например, в новонубийском слово fab <ΠΑΠ- «отец» и, с другой стороны,

fogor <ΠΟΚΑ «хромой», а также глагол bog <ΠΟΚ-, где /p/ в одной и той же позиции изменяется по-разному.

Не удается установить также историческую или контекстную закономерность чередования букв в древнунубийских текстах. Оба варианта могут встречаться в одной и той же рукописи, в одном и том же окружении (например, глагольная основа ἐγιδ-/ἐκιδ- «спрашивать»).

На основании всего этого можно предположить, что в древнунубийском языке различие по звонкости — глухости не было выражено или было irrelevantным. Рассмотрим аналогичные явления в современных диалектах.

Г. Массенбах для диалекта *кенизи*¹⁹, а Ч. Армбрустер для диалекта

¹⁴ Zuhlke, ук. соч., Teil 6, стр. 182.

¹⁵ А. В. Розов, Христианская Нубия. Историко-критическое и церковно-археологическое исследование А. В. Розова, т. I, Киев, 1890, стр. 388 сл.

¹⁶ Там же, стр. 391 сл.

¹⁷ «Faras. Fouilles polonaises 1961», Warszawa, 1962, стр. 171.

¹⁸ Там же, стр. 182, рис. 64; стр. 183, рис. 65.

¹⁹ Massenbach, ук. соч., Teil 1.

*донгола*²⁰ отмечают произношение там взрывных как аналогичное взрывным своего родного языка (соответственно в первом случае немецкого, во втором — английского). Вполне возможно, что названные исследователи имели в виду, кроме всего прочего, также свойственное обоим этим языкам различие взрывных скорее по напряженности — ненапряженности, чем по звонкости — глухости.

Следовательно, можно предположить, что в древнениубийском языке различительным признаком являлась не глухость — звонкость, а соответственно напряженность — ненапряженность. Тогда знаки *в*, *г*, *д*

и *п*, *к*, *т* имеют в качестве звуковых референтов ненапряженные взрывные и их напряженные корреляты. А глухость — звонкость если и имела место, то лишь в качестве избыточного признака. Это объясняет, почему нубийцы так часто ошибались при передаче греческих взрывных. На их слух наличие — отсутствие голоса воспринималось как признак несущественный. А вариантное написание взрывных в нубийских текстах могло происходить вследствие неприспособленности греческого письма к нубийской фонологической системе²¹.

Как утверждает Ч. Хокетт при исследовании староанглийских рукописей²², на письме могут быть отражены не только фонемы, но и аллофоны; однако это возможно только в том случае, говорит он далее, если алфавит создан иностранцем, который может по аналогии с родным языком воспринять аллофонические различия как фонологические.

С другой стороны, Г. Глисон²³ отмечает, что первые авторы, писавшие на младописьменных языках, всегда были двуязычными и переносили некоторые правила и модели системы чужого, более грамматически нормированного языка на свой, независимо от того, подходили эти модели к данному языку или нет.

В части III церковной истории Иоанна Эфесского²⁴ подробно рассказывается о крещении нубийских народов нобадеев (царство Нобатия — между вторым и третьим порогами Нила) и алодеев (царство Алоа — выше пятого порога) в V в. миссионерами из Византии. Очевидно, примерно в то же самое время был создан и алфавит древнениубийского языка, после чего переведены с греческого основные христианские тексты²⁵. Алфавит был создан скорее всего самими миссионерами, а переводчики и писцы наверняка хорошо знали греческий язык, даже если были нубийцами. Так оказалось возможным перенесение на нубийский язык во многом неадекватных ему норм греческого²⁶.

Таким образом, можно сделать еще одно предположение: различительный признак «напряженность — ненапряженность» вообще графических

²⁰ A r m b r u s t e r, 'Dongolese Nubian. A Grammar, № 268.

²¹ Например, крито-микенское письмо, так называемое линейное В, которое применялось для древнегреческого языка, не отражало таких свойственных последнему различительных признаков, как долгота — краткость гласных, звонкость — глухость и придыхательность — непридыхательность у взрывных, непрерывность — прерывность плавных, так как было, очевидно, заимствовано из языка, не знающего таких различий.

²² Ch. F. H o c k e t t, The Stressed Syllabics of Old English Language, «Language», 1959, vol. 35, № 4, стр. 579 сл.

²³ Г. Г л и с о н, Введение в дескриптивную лингвистику, М., 1959, стр. 424, § 9.

²⁴ Р о з о в, ук. соч., стр. 1—17 приложения.

²⁵ Судя по формам греческих заимствованных слов, переводы делались не с коптского языка, как можно было бы предположить, а непосредственно с греческого.

²⁶ Если первые переводчики были греками, они вообще не должны были воспринимать на слух нубийское различие напряженных и ненапряженных взрывных, подобно тому как русские, не знающие немецкого языка, не улавливают аналогичное различие в речи немцев.

корреспондентов не имел, а противопоставление **В Г Д и П К Т** соответствует не фонологической оппозиции, а аллофоническому различию. Слог в древненубийском языке может быть двух типов: CV и CVC. Скопление более чем двух согласных в середине слова крайне редко, например:

Δαρπνε [darpne] «жертвоприношение», πῖργνε [pirgne] «овощи». Впрочем, здесь, возможно, присутствовал некий гласный, на письме не обозначенный. В слове невозможно начальное или конечное сочетание двух и более согласных. Заимствования адаптируются в соответствии с этим правилом, например греч. σταυρός «крест» в нубийских текстах имеет такой вид: **СТАΥΡΟΙ** [stavrosi].

Не допускалось, скорее всего, также зияние. Там, где в слове встречаются две подряд гласные буквы, над второй почти всегда стоит точка, например: **κοῦσα** , **οὔοᾶ** . Подобным же образом адаптируются и заимст-

вованные слова: греч. ἀρχιερεὺς «первосвященник» пишется **Ἀρχιῆρεοῖ** .

По мнению Б. Стрикера, точка здесь должна обозначать гортанный смычный [ʔ] (араб. «хамза»). Однако в упомянутой выше греческой надписи на амулете топоним Σωλοῶν пишется следующим образом: **ΣΩΛΟ ? ΑΜ** (где ? коптская буква для [h]). Эта буква встречается и в древненубийских текстах, но крайне редко, всего в трех словах. Можно предположить, что интервокальная точка в данном случае обозначала ларингал /h/; часто точка ставится также над буквой для гласного, если ему предшествует плавный: например, в форме **κοσμοσῶ** «в мире», **-κεσαγρα** — послелог «ради, по, для».

Слово может начинаться с любой гласной (чаще всего с точкой). В этой позиции также может предполагаться либо обозначение точкой гортанного смычного [ʔ]²⁷ (ср. слова, начинающиеся на гласный, в немецком языке), либо спиранта [h] (ср. древнегреческие *spiritus asper* и *spiritus lenis* 'и' — для обозначения двух видов придыханий во всех случаях начала слов на гласный). Слово может также начинаться с любой согласной, кроме плавных и носовых **Ṣ** [n] и **Ṣ'** [p']. Слово может оканчиваться

только на гласные, плавные и носовой **Ṣ** [n]. Соответствующим образом адаптируются греческие словоформы, например слово ἄρτος «хлеб» принимает форму **ἄρτοσι** .

Ниже приводится матрица идентификации минимального инвентаря фонем древненубийского языка. Если не затрагивать спорный вопрос о ларингалах, а для гласных принять очевидное различие по количеству, получим, что для древненубийского языка могут быть идентифицированы 27 фонем с помощью 11 пар различительных признаков: 1) гласность — негласность, 2) согласность — несогласность, 3) компактность — некомпактность, 4) диффузность — недиффузность, 5) высокий тон — низкий тон, 6) назальность — ротовость, 7) прерывность — непрерывность, 8) яркость — тусклость, 9) дизезность — недизезность, 10) бемольность — небемольность,

²⁷ Stricker, ук. соч., стр. 442.

Таблица 1

МИНИМАЛЬНАЯ МАТРИЦА ИДЕНТИФИКАЦИИ ФОНЕМ ДРЕВНЕНУБИЙСКОГО ЯЗЫКА

	ī	ȳ	ū	ÿ	ē	ě	ō	ō	ā	ā	y	w	t	d	n	n'	s	š	ǰ	p	(b)	m	k	g	ŋ	l	r
1) гласность — негласность	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+
2) согласность — несогласность	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3) компактность — некомпактность					-	-	-	-	+	+			-	-	-	-	-	+	-	-	-	-	+	+	+		
4) диффузность — недиффузность	+	+	+	+	-	-	-	-	-	-																	
5) высокий тон — низкий тон	+	+	-	-	+	+	-	-			+	-	+	+	+	+	+	+	+	-	-	-					
6) назальность — ртовость													-	-	+	+	-	-	-	-	-	+	-	-	+	-	-
7) прерывность — непрерывность													+	+			-	-	+	+	+		+	+		-	+
8) яркость — тусклость													+	+					-				+	+			
9) дизонность — недизонность																-	+										
10) бемольность — небемольность																											
11) долгота — краткость	+	-	+	-	+	-	+	-	+	-																	
12) напряженность — ненапряженность (глухость — звонкость?)													+	-							+	-		+	-		
	ī	ȳ	ū	ÿ	ē	ě	ō	ō	ā	ā	y	w	t	d	n	n'	s	š	ǰ	p	(b)	m	k	g	ŋ	l	r

Примечания. 1. Знак «+» означает наличие первого (маркированного), а знак «-» второго (немаркированного) признака из соответствующей пары.
2. Пустая клетка таблицы означает нерелевантность соответствующего признака у данной фонемы.

11) долгота — краткость, 12) напряженность — ненапряженность (глухость — звонкость?). Поскольку признак долготы — краткости в письме графических корреспондентов не имеет, в приведенной таблице дистрибуции фонем языка (табл. 1) для гласных дается дистрибуция не фонем, а пар фонемных коррелятов (долгий + краткий).

THE ANCIENT NUBIAN LANGUAGE: SCRIPT AND PHONOLOGY

Ye. V. Smagina

The author considers here some questions of text-interpretation (readings) in the language of mediaeval Nubia (ancient Nubian). For example, it is still unclear whether the nature of ancient Nubian phonemes allowed for differentiation according to long and short sounds, pitch, degree of openness; what the dot over a vowel corresponded to; why letters varied for unvoiced and voiced consonants. Analysis of ancient Nubian texts and results of research into modern Nubian dialects made it clear that in ancient Nubian vowels were divided into short and long; there are also indications of a division into high- and low-pitched vowel sounds. The dot above a vowel evidently indicated either a guttural stop (Arab. «hamza») or a guttural spirant. Judging by the orthography of Greek inscriptions in Nubia, and also by the evidence of modern Nubian dialects, it may be supposed that in ancient Nubian consonants were divided not into voiced and unvoiced but into tense and lax. This distinction is not reflected orthographically because in the Greek alphabet, on which the Nubian is based, there were no means of expressing it. The first translators of Greek religious texts into Nubian, the creators of the Nubian alphabet, were in all probability missionaries from Byzantium, who may have failed to catch the distinction between tense and lax voiced sounds in spoken Nubian.